

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

АНТОН ЧЕХОВ

Рассказы. Повести. Пьесы

Антон Павлович Чехов
Новогодняя пытка

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=176237

Антон Павлович Чехов

Новогодняя пытка (очерк новейшей ИНКВИЗИЦИИ)

Вы облачаетесь во фракную пару, нацепляете на шею Станислава, если таковой у вас имеется, прыскаете платок духами, закручиваете штопором усы – и всё это с такими злобными, порывистыми движениями, как будто одеваете не себя самого, а своего злейшего врага.

– А, чёрррт подери! – бормочете вы сквозь зубы. – Нет покоя ни в будни, ни в праздники! На старости лет мычешь, как собака! Почтальоны живут покойнее!

Возле вас стоит ваша, с позволения сказать, подруга жизни, Верочка, и егозит:

– Ишь что выдумал: визитов не делать! Я согласна, визиты – глупость, предрассудок, их не следует делать, но если ты осмелишься остаться дома, то, клянусь, я уйду, уйду... навеки уйду! Я умру! Один у нас дядя, и ты... ты не можешь, тебе лень поздравить его с Новым годом? Кузина Леночка так нас любит, и ты, бесстыдник, не хочешь оказать ей честь? Федор Николаич дал тебе денег взаймы, брат Петя так любит всю нашу семью, Иван Андреич нашел тебе место, а ты!..

ты не чувствуешь! Боже, какая я несчастная. Нет, нет, ты решительно глуп! Тебе нужно жену не такую кроткую, как я, а ведьму, чтоб она тебя грызла каждую минуту! Да-а! Бессовестный человек! Ненавижу! Презираю! Сию же минуту уезжай! Вот тебе списочек... У всех побывай, кто здесь записан! Если пропустишь хоть одного, то не смей ворочаться домой!

Верочка не дерется и не выцарапывает глаз. Но вы не чувствуете такого великодушия и продолжаете ворчать... Когда туалет кончен и шуба уже надета, вас провожают до самого выхода и говорят вам вслед:

– Тирран! Мучитель! Изверг!

Вы выходите из своей квартиры (Зубовский бульвар, дом Фуфочкина), садитесь на извозчика и говорите голосом Солонины, умирающего в «Далиле»:

– В Лефортово, к Красным казармам!

У московских извозчиков есть теперь полости, но вы не цените такого великодушия и чувствуете, что вам холодно... Логика супруги, вчерашняя толчея в маскараде Большого театра, похмелье, страстное желание завалиться спать, послепраздничная изжога – всё это мешается в сплошной сумбур и производит в вас муть... Мутит ужасно, а тут еще извозчик плетется еле-еле, точно помирать едет...

В Лефортове живет дядюшка вашей жены, Семен Степаныч. Это – прекраснейший человек. Он без памяти любит вас и вашу Верочку, после своей смерти оставит вам наслед-

ство, но... чёрт с ним, с его любовью и с наследством! На ваше несчастье, вы входите к нему в то самое время, когда он погружен в тайны политики.

– А слышал ты, душа моя, что Баттенберг задумал? – встречает он вас. – Каков мужчина, а? Но какова Германия!

Семен Степаныч помешан на Баттенберге. Он, как и всякий российский обыватель, имеет свой собственный взгляд на болгарский вопрос, и если б в его власти, то он решил бы этот вопрос как нельзя лучше...

– Не-ет, брат, тут не Муткурка и не Стамбулка виноваты! – говорит он, лукаво подмигивая глазом. – Тут Англия, брат! Будь я, анафема, трижды проклят, если не Англия!

Вы послушали его четверть часа и хотите раскланяться, но он хватает вас за рукав и просит дослушать. Он кричит, горячится, брызжет вам в лицо, тычет пальцами в ваш нос, цитирует целиком газетные передовицы, вскакивает, садится... Вы слушаете, чувствуете, как тянутся длинные минуты, и, из боязни уснуть, таращите глаза... От обалдения у вас начинают чесаться мозги... Баттенберг, Муткуров, Стамбулов, Англия, Египет мелкими чёртиками прыгают у вас перед глазами...

Проходит полчаса... час... Уф!

– Наконец-то! – вздыхаете вы, садясь через полтора часа на извозчика. – Уходил, мерзавец! Извозчик, езжай в Хамовники! Ах, проклятый, душу вытянул политикой!

В Хамовниках вас ожидает свидание с полковником Фе-

дором Николаичем, у которого в прошлом году вы взяли займы шестьсот рублей...

– Спасибо, спасибо, милый мой, – отвечает он на ваше поздравление, ласково заглядывая вам в глаза. – И вам того же желаю... Очень рад, очень рад... Давно ждал вас... Там ведь у нас, кажется, с прошлого года какие-то счета есть... Не помню, сколько там... Впрочем, это пустяки, я ведь это только так... между прочим... Не желаете ли с дорожки?

Когда вы, заикаясь и потупив взоры, заявляете, что у вас, ей-богу, нет теперь свободных денег, и слезно просите обождать еще месяц, полковник всплескивает руками и делает плачущее лицо.

– Голубчик, ведь вы на полгода брали! – шепчет он. – И разве я стал бы вас беспокоить, если бы не крайняя нужда? Ах, милый, вы просто топите меня, честное слово... После Крещенья мне по векселю платить, а вы... ах, боже мой милостивый! Извините, но даже бессовестно...

Долго полковник читает вам нотацию. Красный, вспотевший, вы выходите от него, садитесь в сани и говорите извозчику:

– К Нижегородскому вокзалу, сскотина!

Кузину Леночку вы застаете в самых растрепанных чувствах. Она лежит у себя в голубой гостиной на кушетке, нюхает какую-то дрянь и жалуется на мигрень.

– Ах, это вы, Мишель? – стонет она, наполовину открывая глаза и протягивая вам руку. – Это вы? Сядьте возле меня...

Минут пять лежит она с закрытыми глазами, потом поднимает веки, долго глядит вам в лицо и спрашивает тоном умирающей:

– Мишель, вы... счастливы?

Засим мешочки под ее глазами напухают, на ресницах показываются слезы... Она поднимается, прикладывает руку к волнующейся груди и говорит:

– Мишель, неужели... неужели всё уже кончено? Неужели прошлое погибло безвозвратно! О нет!

Вы что-то бормочете, беспомощно поглядываете по сторонам, как бы ища спасения, но пухлые женские руки, как две змеи, обволакивают уже вашу шею, лацкан вашего фрака уже покрыт слоем пудры. Бедная, всё прощающая, всё выносящая фрачная пара!

– Мишель, неужели тот сладкий миг уж не повторится более? – стонет кузина, орошая вашу грудь слезами. – Кузен, где же ваши клятвы, где обет в вечной любви?

Бррр!.. Еще минута, и вы с отчаяния броситесь в горящий камин, головой прямо в уголья, но вот на ваше счастье слышатся шаги и в гостиную входит визитер с шапокляком¹ и остроносыми сапогами... Как сумасшедший срываетесь вы с места, целуете кузине руку и, благословляя избавителя, мчитесь на улицу.

– Извозчик, к Крестовской заставе!

Брат вашей жены, Петя, отрицает визиты, а потому в

---

¹ складная шляпа (франц. chapeau-claque)

праздники его можно застать дома.

– Ура-а! – кричит он, увидев вас. – Кого ви-ижу! Как кстати ты пришел!

Он трижды целует вас, угощает коньяком, знакомит с двумя какими-то девицами, которые сидят у него за перегородкой и хихикают, скачет, прыгает, потом, сделав серьезное лицо, отводит вас в угол и шепчет:

– Скверная штука, братец ты мой... Перед праздниками, понимаешь ты, издержался и теперь сижу без копейки... Положение отвратительное... Только на тебя и надежда... Если не дашь до пятницы 25 рублей, то без ножа зарежешь...

– Ей-богу, Петя, у меня у самого карманы пусты! – божитесь вы...

– Оставь, пожалуйста! Это уж свинство!

– Но уверяю тебя...

– Оставь, оставь... Я отлично тебя понимаю! Скажи, что не хочешь дать, вот и всё...

Петя обижается, начинает упрекать вас в неблагодарности, грозит донести о чем-то Верочке... Вы даете пять целковых, но этого мало... Даете еще пять, и вас отпускают с условием, что завтра вы пришлете еще 15.

– Извозчик, к Калужским воротам!

У Калужских живет ваш кум, мануфактур-советник Дятлов. Этот хватает вас в объятия и тащит вас прямо к закусочному столу.

– Ни-ни-ни! – орет он, наливая вам большую рюмку ря-

биновой. – Не смей отказаться! По гроб жизни обидишь! Не выпьешь – не выпущу! Сережка, запри-ка на ключ дверь!

Делать нечего, вы скрепя сердце выпиваете. Кум приходит в восторг.

– Ну, спасибо! – говорит он. – За то, что ты такой хороший человек, давай еще выпьем... Ни-ни-ни... ни! Обидишь! И не выпущу!

Надо пить и вторую.

– Спасибо другу! – восхищается кум. – За это самое, что ты меня не забыл, еще надо выпить!

И так далее... Выпитое у кума действует на вас так живо-тельно, что на следующем визите (Сокольницкая роща, дом Курдюковой) вы хозяйку принимаете за горничную, а горничной долго и горячо жимаете руку...

Разбитый, помятый, без задних ног возвращаетесь вы к вечеру домой. Вас встречает ваша, извините за выражение, подруга жизни...

– Ну, у всех были? – спрашивает она. – Что же ты не отвечаешь? А? Как? Что-о-о? Молчать! Сколько потратил на извозчика?

– Пя... пять рублей восемь гривен...

– Что-о-о? Да ты с ума сошел! Миллионер ты, что ли, что тратишь столько на извозчика? Боже, он сделает нас нищими!

Засим следует нотация за то, что от вас вином пахнет, что вы не умеете толком рассказать, какое на Леночке платье,

что вы – мучитель, изверг и убийца... Под конец, когда вы думаете, что вам можно уже завалиться и отдохнуть, ваша супруга вдруг начинает обнюхивать вас, делает испуганные глаза и вскрикивает.

– Послушайте, – говорит она, – вы меня не обманете! Куда вы заезжали, кроме визитов?

– Ни... никуда...

– Лжете, лжете! Когда вы уезжали, от вас пахло фиолетовым пармом, теперь же от вас разит опопанаксом! Несчастный, я всё понимаю! Извольте мне говорить! Встаньте! Не смейте спать, когда с вами говорят! Кто она? У кого вы были?

Вы тарашите глаза, кричите и в обалдении встряхиваете головой...

– Вы молчите?! Не отвечаете? – продолжает супруга. – Нет? Уми... умираю! До... доктора! За-му-учил! Уми-раю!

Теперь, милый мужчина, одевайтесь и скачите за доктором. С Новым годом!